

Анри Лефевр

ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА¹

H. Lefebvre. La production de l'espace. P. 2000. pp. 35-40

1.12. *Пространство (социальное) есть продукт (социальный)*. Это утверждение кажется близким к тавтологии и, таким образом, почти очевидно. Однако, уместно рассмотреть его поближе, выявить его импликации и следствия, прежде чем его принять. Многие не согласятся с тем, что пространство в современном способе производства и в «действующем обществе», как таковом, имеет некую свойственную ей специфическую реальность, в том же смысле и в том же глобальном процессе, что и товар, деньги, капитал. Другие, столкнувшись с этим парадоксом, потребуют доказательств. Тем более, что пространство, как продукт, служит инструментом как мысли, так и действия, что оно, будучи средством производства, является одновременно средством контроля, а значит господства и власти, но при этом, как таковое, в определенной мере ускользает от тех, кто его использует. Социальные и политические (государственные) силы, которые его породили, стремятся подчинить его себе, но это им не удается; те же, кто подталкивает пространственную реальность к своего рода автономии, не поддающейся господству, пытаются ее исчерпать, зафиксировать, чтобы поработить. Является ли это пространство абстрактным? Да, но оно также «реально», как товар и деньги, эти конкретные абстракции. Является ли оно конкретным? Да, но не так как какой-либо объект или продукт. Инструментально ли оно? Конечно, но как познание, оно выходит за пределы инструментальности. Сводится ли оно к проекции – к «объективации» знания? Да и нет: знание, объективированное в продукте, не тождественно теоретическому познанию. Пространство содержит социальные отношения. Как? Почему? Какие?

Отсюда потребность в кропотливом анализе и пространном систематическом изложении. С использованием новых идей: прежде всего идеи разнообразия, множественности пространств, не означающих их фрагментацию, бесконечное деление. И это в процессе того, что называется «историей», и что отныне получает новое освещение.

Когда социальное пространство перестает смешиваться с ментальным пространством (определяемым философами и математиками) и с физическим пространством (определяемым чувственной практикой и восприятием «природы») оно обнаруживает свою специфику. Нужно показать, что социальное пространство не состоит из набора вещей, из суммы фактов (чувственных), не более чем из пустоты, заполненной, подобно таре, различными материалами, что оно не сводится к «форме», приданной явлениям, вещам, физической материальности. Предварительное утверждение (гипотеза) относительно социального характера пространства найдет свое подтверждение в процессе изложения.

1.13. Что же скрывает эту истину пространства (социального), заключающуюся в том, что оно есть продукт (социальный)? Двойная иллюзия, каждая сторона которой предполагает другую, подкрепляет другую, обосновывается ею: иллюзия прозрачности и иллюзия плотности («реалистическая» иллюзия).

а/ *Иллюзия прозрачности*. Пространство? Светлое, доступное разуму, оно открывает простор для действий. То, что происходит в пространстве поражает мысль - это воплощение ее замыслов (или *абрисов*, близость этих слов полно смысла – *dessein* и *dessin* – фр.). Замысел служит верным посредником между умственной деятельностью, которая творит, и

---

¹ © Центр фундаментальной социологии, 2002г.

социальной деятельностью, которая реализует, замысел разворачивается в пространстве. Иллюзия прозрачности совпадает с иллюзией чистоты пространства – без ловушек, без глубоких тайников. Замаскированное, скрытое и, следовательно, опасное несовместимы с прозрачностью, сразу схватываемой глазами разума, освещающего рассматриваемое. Полагают, что понимание без непреодолимых препятствий передает воспринимаемый им предмет - от темных его участков до ясных, превращает его из темного в ясный, пронизывая годобно лучу, либо осторожно трансформируя его. Тем самым, будто бы, почти совпадают социальное пространство и пространство ментальное, т.е. мысленное и речевое (топическое). Посредством какого перехода? Какой магии? Тайное, будто бы, легко расшифровывается после вмешательства слова, а затем и письма. Верят, что это происходит посредством простого перемещения и прояснения, исключительно посредством топологических модификаций.

Почему же провозглашается равнозначность познанного и прозрачного в пространственном измерении? Это постулат распространенной идеологии (со времен классической философии). В этой идеологии, соединенной с западной «культурой», переоценивается слово, особенно письменный текст в ущерб социальной практике, которую она скрывает. Фетишизм речи, идеологи слова дополняется фетишизмом и идеологией текста. Для одних речь явно или имплицитно разворачивается в ясности коммуникации, выявляет скрытое, заставляет его обнаружиться или клеймит его. Для других слова недостаточно, необходимы дополнительный опыт и операции с письменным текстом. порождающим проклятие и сакрализацию. Считают, что акт письма, кроме своих непосредственных следствий, предполагает дисциплину, способную схватить «объект» посредством и для «субъекта», того, кто пишет и говорит. В обоих случаях слово и текст принимаются за практику (социальную); подразумевается, что абсурдное и неясное, идущие вместе, рассеиваются без исчезновения «объекта». Коммуникация передает объект несообщенного (несообщаемое не существует, иначе как постоянно искомый остаток) в сообщенное. Таковы постулаты этой идеологии, которая отождествляет познание, информацию, коммуникацию, предполагая прозрачность пространства. Так, что в течение довольно долгого периода можно было думать, что посредством коммуникации осуществляется революционная трансформация. «Все сказать!», «непрерываемое слово! Все написать! Письмо преобразует язык и, следовательно, общество... Письмо как значимая практика!». С этих пор революция и прозрачность тяготеют к отождествлению.

Иллюзия прозрачности проявляется как трансцендентальная иллюзия, если пользоваться старой философской терминологией: как приманка, обладающая почти магической силой - и одновременно отсылающая к другим приманкам, -своими алиби и масками.

в/ Реалистическая иллюзия. Это – иллюзия наивности и наивных, которую избличали философы, теоретики языка по разным поводам и под разными наименованиями – натурализм, субстантивизм. Согласно философам старой доброй идеалистической традиции, присущая обыденному сознанию простодушная иллюзия ведет к обманчивому убеждению, что «вещи» первичны по отношению к «субъекту», его мысли и желаниям. Отказ от этой иллюзии ведет к принятию концепции «чистой» мысли, Духа, Бога. Что вновь возвращает от реалистической иллюзии к иллюзии прозрачности.

Для лингвистов, семантиков, семиотиков их исходная и конечная наивность допускает «субстанциональную реальность» языка, несмотря на то, что он определяется формой. Язык представляется «мешком со словами»; наивные считают, что они найдут в мешке слово, соответствующее вещи, поскольку каждому «объекту» соответствует подходящее слово. В процессе всякого чтения воображаемое и символическое, пейзаж, горизонт, которые как бы окаймляют путь, проделанный читателем, иллюзорно принимаются за реальное, поскольку *истинные* характеристики текста, значимая форма и символическое содержание, ускользают от наивного сознания (следует заметить, что эти иллюзии приносят «наивным» удовольствие, развеваемое знанием, которое изгоняет

иллюзии! Наука заменяет чистые радости реальной или фиктивной естественности, утонченными, изощренными радостями, относительно которых отнюдь не доказано, что они превосходят первые).

Иллюзия пространственной субстанциональности, природности, плотности содержит собственную мифологию. Артист пространства действует в жесткой и плотной реальности, непосредственно исходящей от Матери Природы. Скульптор в большей мере, чем художник, архитектор более, чем музыкант или поэт работают над материалом, который сопротивляется и ускользает. Пространство, если это не пространство геометрии, обладает физическими свойствами и качествами земли.

Первая иллюзия, иллюзия прозрачности близка философскому идеализму, вторая – материализму (натуралистическому и механистическому). Однако эти иллюзии не сражаются подобно философским системам, как бы закованным в броню и стремящимся уничтожить друг друга. Каждая иллюзия содержит в себе другую и поддерживает ее. Переход от одной к другой, знаки близости, колебания так же существенны, как каждая иллюзия в отдельности. Символизм природы затемняет рациональную ясность, которая исторически возникла на Западе, проистекает из завоеванного господства над природой. Кажущаяся полупрозрачность, воспринятая темными историческими и политическими силами в период их упадка (государство, национальность), вновь обретает образы, идущие от земли и природы, от отцовства, от материнства, Рациональное превращается в природное, а природа вызывает ностальгию, вытесняющую разум.

1. 14. Теперь в соответствии с программой, чтобы предварить будущее изложение, можно перечислить некоторые импликации и следствия первоначального утверждения: *пространство (социальное) есть продукт (социальный)*.

Первая импликация: пространство-природа (физическое) отдаляется. Необратимо. Конечно, оно было и остается общим отправным пунктом, началом, первоначальным источником социального процесса, быть может, основой всякой «первоначальности». Конечно, нельзя сказать, что оно просто исчезает со сцены. Оно остается фоном картины, обрамлением и более чем обрамлением. Каждая деталь, каждый объект природы приобретают значение в качестве символа (самое малое животное, дерево, травинка и т.п.). Будучи истоком и ресурсом, природа неотступно преследует нас, как детство и спонтанность, через фильтр памяти. Кто не хочет ее защитить, спасти ее? Вновь обрести ее подлинность? Кто хочет ее разрушить? Никто. Однако каждый способствует наносимому ей ущербу. Пространство-природа отдаляется: это - горизонт на заднем плане для тех, кто оборачивается. Что такое Природа? Как ее снова уловить в первоначальном виде, до появления людей и их разрушительных орудий? Природа, этот могучий миф, превращается в фикцию, в негативную утопию: это – не что иное, как *исходный материал*, поле деятельности производительных сил различных обществ, создававших свое пространство. Неисчерпаемо глубокая, она, конечно, сопротивлялась, но была побеждена в ходе отступления и разрушения.

Перевод с французского С.А.Эфирова